

А. А. АРАКЧЕЕВ И РУССКАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА 1815–1825 ГОДОВ

Опираясь на архивные материалы, опубликованные документы, мемуары и научные публикации, автор показывает влияние на русскую художественную культуру 1815–1825 гг. личности и художественных пристрастий графа А. А. Аракчеева — всемогущего фаворита Александра I. Эта сторона «аракчеевщины» обычно остается вне поля зрения историков.

В 1815–1825 гг., купаясь в лучах славы «победителя Наполеона», «Агамемнона» и «освободителя Европы», Александр I большую часть времени прово-

дил за границей, а управление государством передал графу А. А. Аракчееву, «сделал его козлицем, на которого падали все грехи, все проклятия народа»¹.

Похожих «козлиц» российская история знала и знает немало: в этом — один из принципов макиавеллизма*. Однако ни один из временщиков не обладал таким объемом власти, как Аракчеев. Этим обусловлен неугасающий интерес к его личности. А. А. Аракчееву посвящены обширные фрагменты в фундаментальных трудах ведущих исследователей александровской эпохи (М. И. Богданович², Н. Ф. Дубровин³, Н. К. Шильдер⁴, великий князь Николай Михайлович⁵, А. В. Предтеченский⁶, С. Б. Окунь⁷), ряд специальных публикаций (Н. К. Отто⁸, Н. Г. Богословский⁹, В. Е. Якушкин¹⁰, А. А. Кизеветтер¹¹, К. М. Ячменихин¹², В. А. Федоров¹³), а также монография англичанина М. Дженкинса¹⁴, очень верное название которой («Grand Vizier of the Russian Empire») почему-то переведено как «реформатор-реакционер»**. Перечисленные работы всесторонне раскрывают биографию, личные качества А. А. Аракчеева, его роль в политической жизни страны. Задача данной статьи — опираясь на архивные материалы, опубликованные документы¹⁵, мемуары¹⁶ и научные публикации, показать влияние Аракчеева на русскую художественную культуру 1815–1825 годов. Эта сторона «аракчеевщины» либо остается вне поля зрения историков, либо

ограничивается общеизвестными (в основном литературными) фактами и оценками.

Попытку разностороннего исследования эстетических приоритетов А. А. Аракчеева предпринял в начале XX века барон Н. Н. Врангель¹⁷. Благодаря информации, собранной из разнообразных источников, его работа и сегодня сохраняет высокую научную ценность. Вместе с тем, некоторые сведения устарели, имеют ссылки на сомнительные источники или вовсе не имеют таковых. Что касается оценочных суждений, то Врангель в свойственной его времени и кругу ницшеанской манере не доказывает свои мнения и выводы, а «вещает». Его суждения порой завораживают эффектной эпатажностью, но, в сущности, ничего не выражают***. Имеется также ряд публикаций, посвященных аракчеевскому Грузино. Среди них выделяются аналитические статьи Н. М. Мурашовой и Е. И. Кириченко¹⁸. Последняя, впрочем, грешит апологетической тональностью по отношению к этому «олицетворению совершенно определенной социально-политической утопии и попытке реализовать идеалы владельца в микрокосме его владений».

Власть Аракчеева была безгранична. Уезжая из страны, Александр I оставлял

* «...дела, неугодные подданным, государи должны возлагать на других, а угодные — исполнять сами». *Макиавелли Н.* Государь. М., 1990. С. 57.

** Монография М. Дженкинса — компиляция из русских статей и исследований, без использования архивов, — типична для работ иностранных историков (А. Валлоттон, А. Вандаль, Л. Стаховский, А. Палмер, С. Грюнвальд, А. Труайя). Их представления о русской художественной культуре в лучшем случае — на уровне школьного учебника. Например, у Дженкинса скульптор-медальер Ф. П. Толстой фигурирует как «писатель, который в молодости основал общество для пропаганды системы народного образования»; И. П. Мартос — «чиновник министерства юстиции» (автор перепутал великого скульптора с его сыном — одним из адъютантов Аракчеева).

*** Например, о полотнах Ф. Крюгера: «В области искусства еще нелепее и курьезнее является точность и верность, прилизанность и выдержанность на фоне отечественного свинарника, смесь сухой и педантичной изысканности с корявой сочностью и кривой миловидностью русского самодурного искусства» (*Врангель Н. Н.* Иностранцы в России // Старые годы. 1911. Июль—сентябрь. С. 33).

ему чистые бланки со своей подписью, на которых тот мог писать любые распоряжения. Ни один министр не мог попасть на прием к императору без санкции временщика. М. С. Сперанский, уступая Аракчееву своего секретаря Г. С. Батенькова (будущего декабриста и крупнейшего в то время египтолога), дал ему инструкцию из трех пунктов, последний из которых гласил: «Никогда не давать графу заметить, а лучше и не думать, что я могу, кроме его, иметь к государю другие пути»¹⁹. Экипажи вельмож и министров выстраивались в очередь у дома временщика на Литейном (не сохранился; ныне — участок д. 20). Н. М. Карамзин, прибывший в 1816 году в Петербург для представления государю «Истории государства Российского», ждал аудиенции два месяца, пока ему не передали слова Аракчеева: «Верно, Карамзин меня знать не хочет. Он приехал сюда и даже не прислал мне карточку». Историк нанес ему визит, и через два дня получил аудиенцию у императора²⁰. Граф Ф. П. Толстой, пришедший передать Аракчееву предложение стать почетным членом Вольного общества учредения училищ по методе взаимного обучения, был допущен к нему только после предварительных допросов в пяти инстанциях: унтер-офицер, чиновник, дежурный адъютант, дежурный штабной полковник, генерал Клейнмихель²¹.

Мыслящие современники воспринимали возвышение Аракчеева как финал российского Просвещения: «богоизбранной» и «просвещенной» монархией управлял «подлый раб и хам», «Вельзевул»²², «разъяренный бульдог»²³, с гордостью называвший себя «истинно русским неученым дворянином». Он не говорил по-французски, писал едва читаемыми каракулями, похожими на арабскую вязь. «Большая обезьяна в мунди-

ре»²⁴ с «мутными глазами» и «гнусавым голосом», по преданию, вырывала с мясом усы у солдат, а одному из них откусила ухо. Фигура Аракчеева вошла в фольклор²⁵. И. А. Крылов откликнулся на правительственный погром Петербургского университета (1821–1822 гг.) басней «Пестрые Овцы», где вывел Аракчеева в образе Медведя. В истории русской литературы это была первая басня, запрещенная цензурой²⁶. Общеизвестны эпиграммы и стихотворения-инвективы на Аракчеева, вышедшие из-под пера К. Ф. Рылеева, А. С. Пушкина, П. А. Вяземского, Е. А. Баратынского, неизвестных авторов. И это только сохранившаяся вершина айсберга, поскольку по окончании следствия над декабристами Николай I приказал изъять из дел все стихи и уничтожить. Никто не знает, сколько стихотворений такого рода погибло после 14 декабря 1825 года, когда прошла «эпидемия» уничтожения личных архивов как из опасения политических обвинений, так и из желания, продиктованного модой, — прослыть «ужасным либералом».

Жестокий и холодный Аракчеев обладал колоссальной энергией и трудоспособностью. Он был предельно пунктуален (не мог существовать без часов), рационален и чистоплотен, запретив заводить свиней в Грузино и прилегающих селах. «Однажды летом государь предложил Карамзину съездить вместе с Аракчеевым в новгородские поселения и лично ознакомиться с ними и порядком их. Отказываться было невозможно. Карамзин и Аракчеев отправились вдвоем в коляске. Двое суток, а может быть, и трое, проводят они друг с другом почти безразлично <...> Карамзин возвратился с некоторыми впечатлениями, выгодными для Аракчеева. Он убедился в уме его, в распорядительности, в неко-

торых свойствах, нужных для государственного человека»²⁷. Аракчеев не брал взяток и отказался в 1814 году от звания фельдмаршала, понимая, какие насмешки в обществе вызовет такая милость. Даже враг временщика П. А. Вяземский констатировал: «Пошлого чванства в нем не было»²⁸. Аракчеев трезво оценивал свои способности, признавшись однажды: «Если бы у меня была треть ума Сперанского, я бы был великим человеком»²⁹ (их сравнительную психологическую характеристику блестяще дал Г. С. Батеньков). Аракчеев был человеком искренним, но не имел собственных убеждений. Единственное убеждение он заимствовал, вероятно, из трактата 100-летней давности («Правда воли монаршей» Феофана Прокоповича). Оно состояло в признании божественного происхождения любой императорской воли, какой бы чудовищной или абсурдной она ни являлась. Аракчеев обладал талантом интуитивно чувствовать* и упреждать желания царствующего монарха, быстро меняя собственное мнение. Например, будучи противником военных поселений, он составил проект постепенной отмены крепостного права, но, уловив неудовольствие царя, стал самым ярким их защитником. Вместе с тем Аракчеев был натурой сентиментальной, любящей и страдающей, искренне любил обоих императоров, хранил все вещи, с ними связанные, вплоть до кусочка гроба, перьев, лоскутов мундиров³⁰. В парке перед его домом были установлены памятник Павлу I и три памятника Александру I. В завещании

он назначил награду за лучшее сочинение о царствовании Александра I. Узнав о гибели своей сожительницы Н. Ф. Минкиной, граф «с криком и воплем бросился на траву, рвал на себе волосы, рвал землю, бился в судорогах и кричал <...> он при этом осквернил свои уста страшным богохульством. Вид его в это время был ужасен, пена клубилась у рта»³¹. Всю оставшуюся жизнь Аракчеев спал на диване, залитом ее кровью, устроил памятник и мемориальные доски двум ее собачкам, не расставался с ее голубой чашкой³².

При упоминании о литературных вкусах временщика некоторые авторы из свидетельств П. П. Свиньина и Н. К. Отто** отмечают только его «невероятный вкус к порнографии» (М. Дженкинс). Между тем библиотека в Грузино являлась одной из крупнейших частных библиотек — около 11,5 тыс. наименований. В ней имелись древние манускрипты и 192 наименования книг по живописи и архитектуре³³, стоивших в то время огромных денег. Художественные коллекции Аракчеева после его смерти были распроданы на аукционе. Для их оценки Академия художеств откомандировала академика Васильева, который доносил, что «по большому количеству эстампов, а равно живописных портретов и картин, экспертизу произвести он не может и в несколько месяцев»³⁴.

Любопытную информацию о читательских интересах Аракчеева дает список книг, купленных у И. И. Глазунова в 1815 году (причем расплатился граф только через три года³⁵. Позднее он

* «Когда император Александр пожаловал ему свой портрет, осыпанный алмазами, то он алмазы вернул и просил дозволения носить один портрет» (*Вяземский П. А.* Указ. соч. С. 474–475).

** «Порой в его библиотеке среди духовной и научной литературы попадались такие книги, как «Нежные объятия в браке и веселье с любовницами», «Любовники и супруги, или Мужчины и женщины, и то и се, читай, смекай и может, слюбится и прочая тому подобные...» (*Отто Н.* Указ. соч. № 3. С. 168). Переводчик Дженкинса на русский язык посчитал вторую книгу за две разные. В этом пассаже фраза «среди духовной и научной литературы» растворяется.

много лет не спешил расплатиться с С. И. Гальбергом, исполнившим для Грузино статую Александра I³⁶. Своей скупостью Аракчеев копировал императора³⁷ и Марию Федоровну). Многие из этих названий фигурируют в счете на оплату услуг переpletчика от 22 декабря 1815 года, как книги для канцелярии генерал-инспектора всей артиллерии³⁸. Сравнение этих документов позволяет установить издания, купленные Аракчевым «для души». Помимо «Русской иерархии», «Русского вестника» за 1815 год, календарей, двух книг по ботанике и неувядающей «Душеньки» И. Ф. Богдановича, среди них числятся лучшие русские художественные новинки: собрание сочинений В. А. Жуковского; патристические оперные либретто А. А. Шаховского «Иван Сусанин», «Казак-стихотворец», «Крестьяне, или встреча незваных»; литературный дебют А. С. Грибоедова (в соавторстве с П. А. Катениным) — комедия «Молодые супруги»; высшее достижение русской графики того времени — «Азбука в память 1812 года» с рисунками И. И. Тереминева; «Правила гармонические» и «Гитарная школа». Две последние книги были, вероятно, приобретены для личной капеллы Аракчеева, состоявшей из 20 музыкантов во главе с С. Алексеевым и инструменталистов под руководством капельмейстера Калливода. В состав оркестра входили струнные инструменты, кларнеты, гобои³⁹. Музыкантов и певчих обучали как специальным дисциплинам, так и общеобразовательным⁴⁰.

В своем имении Грузино Аракчеев завел образцовую чистоту, порядок, молчание и трепет, которые приводили императора в восторг и служили примером для всей империи. Александр I приезжал сюда 11 раз. Даты его пребывания

были зафиксированы золотом на мраморных плитах в парадном зале дворца⁴¹. Грузино являлось центром аракчевских владений общей площадью около 35 кв. км, где все подверглось регулярной перепланировке. Деревни перемежались лесами, полями, и каждый ландшафтный элемент был четко разграничен Волховом и системой великолепно вымощенных дорог⁴². Все дома в деревнях были кирпичными или каменными, но их цвет, конструкция и декор в каждой деревне имели некоторые особенности. Само Грузино состояло из улицы одинаковых розовых домов, расположенных на одинаковом расстоянии друг от друга. Каждый дом был поделен на две семьи. Крестьянам запрещалось иметь сараи и скотные дворы, чтобы не нарушать регулярность планировки. Окрестные парки с причудливо выюющимися дорожками, цветниками, статуями, беседками, рукотворными руинами, катальными горками, мостиками, «островами любви» посреди искусственных прудов, обложенных гранитом, славились чистотой, поскольку в обязанность крестьянских детей входило подбирать листья и мусор, прячась в специальных будках, врытых в землю и замаскированных кустами⁴³.

Дворня, одетая в русские народные одежды, эскизы которых прислал глава московской конторы дирекции императорских театров А. А. Майков⁴⁴, ходила строевым шагом, угадывая и исполняя любое желание хозяина моментально и подобострастно, согласно разработанному графом этикету⁴⁵. Это достигалось с помощью палок и вымоченных в специальном рассоле розог. По примеру Павла I экс-гатчинец Аракчеев довел абсолютистскую регламентацию до высшего предела, граничащего с абсурдом. Он лично составил «Правила о

свадьбах», заставлявшие бедных жениться исключительно на богатых, а богатых — брать в жены бедных; «Краткие правила для матерей-крестьянок Грузинской вотчины» с рекомендациями по кормлению, уходу и воспитанию младенцев⁴⁶. «Аракчеев любил, чтобы рождались больше мальчики, и женщинам, рождавшим девочек, он угрожал даже штрафом»⁴⁷. Он вмешивался в ход церковных служб, незаметно следил за прихожанами. «Беда была неосторожному за улыбку, или перешептывание с соседом»⁴⁸. Крестьянам были строго запрещены веселья, пляски и песни, за исключением церковных песнопений. Для получения разрешения на свадьбу граф экзаменовал их на знание молитв.

Аракчеев закрыл все питейные заведения в округе и строго наказывал за пьянство. Как и все борцы за русскую народную трезвость, он потерпел крах. Его любимый воспитанник (или сын от Н. Ф. Минкиной⁴⁹) Михаил Шумский — адъютант Александра I, стал алкоголиком, публично опозорив благодетеля в глазах императора. Пытаясь в пьяном виде отдать царю рапорт, он «направил лошадь вперед и тяжело плюхнулся на землю, сломав саблю и сильно повредив левый глаз»⁵⁰. По версии Н. И. Греча, чью частную гимназию окончил Шумский, «он подошел к государю, споткнулся, упал, и его вырвало»⁵¹. После смерти матери Шумский ушел в запой. Аракчеев в письме к Букмейеру признался: «В ответ он сказал, что не любит меня, не хочет со мной оставаться и не сделал бы этого даже за миллионы рублей»⁵². Шумский служил по артиллерийскому ведомству, и в октябре 1826 года повздорил с начальством. Генерал назвал его «незаконнорожденным». В отместку во время спектакля в театре

Шумский надел на его лысую голову дынную корку. Шумского разжаловали и сослали на Кавказ.

Жена сбежала от Аракчеева через год совместной жизни (1807 г.) после того, как кучер отказался возить ее по указанному адресу, предъявив составленный ее мужем список домов, которые она не должна посещать. Сожительницей графа была его бывшая крепостная Н. Ф. Минкина⁵³, называвшая его в интимной обстановке «Леля»⁵⁴. В отсутствие хозяина она обладала в Грузино такой же властью, какую Аракчеев имел в России в отсутствие царя. Перед Минкиной заискивали генералы и сановники, писали ей доносы и присылали дорогие подарки. В 1825 году повар В. Соловьев нанес ей множественные ножевые ранения и перерезал горло, после того как она довела до самоубийства его друга (из-за недостачи двух бутылок вина из 1000, закупленных Аракчеевым в 1822 г.⁵⁵) и истязала его сестру раскаленными щипцами для завивки волос⁵⁶.

Грузино являлось образцом не только административным, но эстетическим. П. П. Свиньин свою статью «Поездка в Грузино» («Сын Отечества», 1818) предварил стихотворным эпиграфом:

Я весь объехал белый свет,
Зрил Лондон, Лиссабон, Рим, Трою, —
Дивился многому умом,
Но только в Грузине одном
Был счастлив сердцем и душою,
И сожалел, что не поэт!

«Декабрист без декабря» П. А. Вяземский, всегда находивший повод быть к чему-нибудь в оппозиции, оценивал Грузино в иных категориях:

Что пользы, — говорит расчетливый Свиньин
Мне кланяться развалинам бесплодным
Пальмиры, Трои или Афин?

Пусть дорожит Парнаса гражданин
Воспоминаям благородным;
Я не поэт, а дворянин,
И лучше в Грузино пойду путем доходным:
Там кланяясь, могу я выклоняться в чин.

Вяземского поддержал А. С. Пушкин. Их ирония в сочетании с экстравагантной внешностью и манерами Свиньна, общеизвестными недостатками его публикаций (ура-патриотизм, тяга к сенсациям, соседство серьезной информации с явной «желтизной») стала едва ли не первопричиной традиционной недооценки значительного вклада П. П. Свиньина в развитие русской культуры. По отношению к «Поездке в Грузино» друзья-поэты были не правы. О Грузино с восторгом отзывались и другие лица, вполне компетентные в эстетике: В. А. Жуковский, Н. М. Карамзин, А. Н. Оленин, А. А. Писарев, Ф. В. Булгарин.

Великолепная архитектура усадьбы была создана по проектам Ф. И. Демерцова (1799–1816) и В. П. Стасова (1816–1833). В Грузино работал архитектор З. Ф. Краснопевков и постоянно жил парко- и мостостроитель надворный советник А. И. Минут (Минута)*, создавший огромный пейзажный парк⁵⁷. Трехэтажный каменный дом с бельведером и подвальным этажом на сводах (Ф. И. Демерцов, В. П. Стасов) соединялся каменной террасой с боковыми двухэтажными флигелями (нижний этаж — камень, верхний — дерево). В облике центральной усадьбы акцентировались новомодные ампирные элементы: чугунная балюстрада; кружевная чугунная решетка с римской арматурой; гранитные статуи львов по сторонам главного входа; широкие парадные лестницы флигелей;

ажурные беседки из чугуна, а по периметру усадьбы — «этррусские» треножники с тяжелыми орлами. Автором большинства декоративных сооружений являлся, вероятно, крепостной художник И. С. Семенов — серебряный медалист Академии художеств⁵⁸ (кстати, в 1818–1819 годах Аракчеев резко выступал против исключения крепостных из Академии. Эта «заслуга», часто приписываемая Аракчееву, принадлежит его конкуренту — князю А. Н. Голицину, и особенно — президенту ИАХ А. Н. Оленину⁵⁹). Высокими архитектурными достоинствами обладали еще пять каменно-деревянных сооружений⁶⁰. Гостевые домики, флигели и комнаты аракчеевской резиденции производили впечатление комфортом и предусмотрительностью хозяина. В дамских покоях имелись любые туалетные и почтовые принадлежности, «библиотека избранных поэтов и романов», фортепиано, все для рукоделия⁶¹.

Предметом особой гордости был каменный собор св. Андрея Первозванного (Ф. И. Демерцов) с колокольной и с куполом на барабане, окруженном колоннадой. Для кованных царских врат ушло 1,5 пуда серебра. 25-пудовая бронзовая люстра в 40 свечей — подарок Александра I, была выполнена в Париже Ледюром (1818 г.) в стиле ампир. Убранство дополнялось бра и двумя бронзовыми ларцами работы П.-Л. Ажи. Напротив алтаря висел образ св. Андрея Первозванного кисти А. Е. Егорова. В соборе по проекту Ж. -Ф. Тома де Томона был установлен памятник тринадцати офицерам Гренадерского полка имени Аракчеева, «падшим за веру, Царя и Отечество на полях брани в кровавые

* М. Дженкинс (указ. соч., с. 80), не ссылаясь на источники, утверждал, что крестьяне его не увидели и говорили, что он «просто ел людей».

годы 1812, 1813, 1814». На пьедестале из тосканского порфира и черного аспида громоздились шлемы, мечи, латы, ружья работы Ажи, а над ними — крылатая Ника, исполненная М. Г. Крыловым⁶². В противоположном приделе позднее был похоронен сам Аракчеев. Над его могилой установили памятник Павлу I работы И. П. Мартоса. Судя по описаниям, это было одно из лучших произведений мастера. Надгробную плиту украшала надпись: «Да пребудет и прах мой у подножия Твоего изображения». Рядом лежали корона и скипетр. Коленопреклоненный бронзовый римский воин с портретными чертами Аракчеева скорбно склонялся на гранитный постамент. Восхищал пластический ритм фигуры в эффектном сочетании с рельефами из арматур. Все статуи отливал великий В. П. Екимов. Мартос исполнил также четыре лепных овальных медальона на парусах. Учитывая ампириное единство всех художественных элементов храма и непритворную религиозность Аракчеева⁶³, не заслуживает доверия невесть откуда взятое сообщение М. Дженкинса: «Внутри храма были зеркала, которые при нажатии искусно спрятанного выключателя поворачивались, открывая картины с любовными сценами»⁶⁴.

Справа от собора был расположен 16-колонный ионический портик со сверхмодными чугунными колоннами. Внутри стояла статуя Андрея Первозванного работы И. П. Мартоса⁶⁵, а надпись на архитраве гласила: «Царская награда подданному в 1820 году». От собора к дому вела широкая перспектива, которую хозяин называл «мой Невский проспект». В. П. Стасов не без влияния стрелки Васильевского острова устроил на берегу Волхова пристань с широкой лестницей. Набережная и спуски были облицованы гранитом, а по сторонам

лестницы на пьедесталах установлены статуи львов, парные львам перед парадным входом в усадьбу. Рядом Стасов возвел две трехъярусные башни с высокими позолоченными шпилями.

Граф А. А. Аракчеев покровительствовал некоторым деятелям русской культуры. С архитекторами Ф. И. Демерцовым и В. П. Стасовым его связывали почти дружеские отношения. Он был крестным отцом одной из дочерей Демерцова, приглашал их на обеды в узком кругу и письменно обращался к ним: «любезный друг», «милостивый государь», «с истинным почтением и дружбою честь имею быть ваш покорный слуга граф Аракчеев»⁶⁶. Благодарностью Аракчеева пользовались также скульптор И. П. Мартос, живописцы А. Е. Егоров и В. К. Шебуев. Он предлагал покровительство граверу Н. И. Уткину, исполнившему его портрет. Уткин рассыпался в благодарностях, но обращаться к Аракчееву не пробовал⁶⁷, опасаясь, видимо, недовольствия свих братьев — декабристов Александра и Никиты Муравьевых.

Нетрудно заметить, что, за исключением эклектика Уткина, вниманием Аракчеева, пользовались мастера ампирино-академического направления. Временщик сыграл заметную роль в его утверждении в русском искусстве, особенно в архитектуре и пластике Петербурга. Еще в 1797 году, будучи командиром Преображенского полка, он облюбовал для его размещения участок напротив Таврического сада. В 1802–1804 годах при поддержке Аракчеева Ф. И. Демерцов и Ф. И. Волков разработали образцовые проекты казарм. В комплексе Преображенских казарм Ф. И. Демерцов впервые разместил полк не поротно, а побатальонно, что повышало компактность планировки (весь

участок — 350 × 350 м), масштаб и этажность казарм⁶⁸, отражая ампириную тенденцию к укрупнению архитектурных масс. Согласно образцовым проектам Ф. И. Волкова⁶⁹ сложился стереотип ордерного оформления казарм гвардейских полков. Поскольку они находились близко к центру города, парадные фасады украшались портиком большого ордера (на всю высоту здания). В солдатских казармах — тосканским, в офицерских — ионическим, в доминантных зданиях (госпиталь, штаб или церковь) — коринфским.

Ф. И. Демерцову покровительствовал обер-камергер высочайшего двора и президент Императорской Академии художеств граф А. С. Строганов. Но к началу XIX века Строганов стал отдавать предпочтение А. Н. Воронишину, а вышедший творческий взлет Ф. И. Демерцова произошел после его перехода под эгиду А. А. Аракчеева. Будучи архитектором Департамента артиллерии, он заодно исполнял неофициальную должность личного архитектора его главы. Помимо работ в Грузино, Демерцов в 1797–1799 гг. построил дом Аракчеева (наб. Мойки, 35). За ансамблевую перестройку Охтинского порохового завода зодчий по представлению Аракчеева получил орден св. Владимира IV степени, закрепивший за бывшим крепостным Демерцовым, женатым на бывшей княжне Трубецкой, права потомственного дворянина⁷⁰.

Высшим достижением Демерцова (наряду со Знаменской церковью) стало здание *Нового арсенала* на Литейном — первое в России и Петербурге «чисто» ампириное сооружение в духе Ш. Персье и П. Фонтена (1809 г.), изуродованное позднейшими перестройками. Скульптурное убранство из античной арматуры тянулось вдоль 173-метрового фасада и

имело характер актуальной идеологической программы: после Аустерлица глава Артиллерийского ведомства Аракчеев драконовскими методами резко улучшил техническую сторону, дисциплину и тактику русской артиллерии, что было отмечено Наполеоном и его маршалами уже в 1807 году. Здание Нового арсенала предназначалось для администрации, архивов и музея ведомства. Его масштабы, торжественные формы и тематика скульптуры были призваны подчеркнуть успехи артиллерии, достигнутые под руководством Аракчеева. Тему ее апофеоза дополняли разнообразные пушки, поставленные на невысокие постаменты вдоль соединительных корпусов. Похожая программа была воплощена и в архитектуре Военно-сиротского дома, построенного в эти же годы А. Е. Штаубертом близ Обухова моста, на левом берегу Фонтанки (Московский пр., 17).

Профессор Римской академии В. П. Стасов, дожив до 47 лет, не создал ничего существенного. Фортуна улыбнулась ему в апреле 1816 года. У нее оказалась физиономия А. А. Аракчеева. В связи с прогрессирующей слепотой Ф. И. Демерцова временщику нужен был новый личный архитектор. Он предложил эту неофициальную должность Стасову и, получив согласие, отправил его в Грузино. Уже через месяц Стасов стал членом Комитета строительных и гидравлических работ, а в дальнейшем — главным архитектором Совета военных поселений. Аракчеев ходатайствовал перед императором о поручении ему престижного заказа — Павловских казарм на Марсовом поле, уговорив не объявлять конкурс, а назначить Стасова высочайшим распоряжением. Так для зодчего началось «золотое» время⁷¹.

На площади 300 × 500 м архитектор создал комплекс, включавший церковь,

госпиталь, конюшни, склады, кухни и другие хозяйственные строения. Но прозаическая многофункциональность постройки скрыта за парадным фасадом. В сравнении с идеальной гармонией России и пристроенным позднее домом Адамини, в сооружении Стасова бросается в глаза неравномерное распределение масс. Стремясь создать на фасаде игру светотени, он причудливо углубил аттик и вынес вперед мощный дорический антаблемент центральной части. В результате центр оказался чрезмерно обременен скульптурой. Архитектор предлагал в центральном портике поставить два ряда колонн, межколонные пространства над вторым этажом украсить барельефами, а по сторонам входов установить скульптурные композиции. Если бы замысел осуществился, ощущение тяжести и нарушение чувства меры были бы еще очевиднее. И это весьма характерно для «аракчеевского» ампира.

В архитектурных вкусах временщика бросается в глаза соединение изящества и казенщины. Например, в проектах фонарей работы Минуты изысканность линий металлических держателей сочетается с черно-белым «шлакбаумным» окрасом⁷² в полоску. Ампирные парадные покои дворца в Грузино имели трехцветный окрас российского флага⁷³. На таком агрессивном фоне размещались три барельефа (В. И. Демут-Малиновский по эскизам А. Е. Егорова), портреты Павла I (Д. Г. Левицкий), Александра I и Аракчеева (Д. Доу), бюсты-геммы.

О казенном ампире Аракчеева дает представление опись его штаб-квартир в шести округах военных поселений⁷⁴. Мебель и посуда там распределялись «по ранжиру»: в парадных помещениях — мебель из дорогой карельской березы, хрусталь, фаянс (медведеподобный Аракчеев не любил утонченно-изящного

фарфора. В Грузино имелись шкафы с фарфором, но в быту он пользовался фаянсовым «столовым сервизом польским» из 59 предметов). В кабинетах и адъютантских помещениях, в основном, — красное дерево, фаянс; в служебных помещениях — «простое дерево», дуб, ясень, железные кровати.

Идейную сторону «аракчеевского» ампира иллюстрирует объяснение А. Е. Егоровым эскиза барельефа для дворца в Грузино. В нем очевидны и масштаб имперских притязаний, и глубина противоречия между искусством и жизнью: «Барельеф № 1. "Присоединение Польши и Финляндии к России". Россия в виде сидящей величавой жены изображенная, придерживая одной рукой рог изобилия, признак богатства, природою и трудами многочисленных племен ей подвластных доставляемого, простирает другую руку для вечного соединения с пришедшими к ней. Мудрость в виде Минервы, приведшая к России Финляндию и Польшу, подает им масличную ветвь, эмблему будущего спокойствия. Любовь полагает у ног России щиты с гербами Финляндии и Польши, коим сопутствует богиня гармонии или согласия, отныне навсегда между тремя странами утвержденного. Геркулес, т. е. сила Империи, поправ ногой змея вражды, некогда бывшей, покоится под сению древа земли отечественной, подобно тому как воины русские, совершив неслыханные подвиги храбрости, изумившей вселенную, успокоены под кровом благотворным, который даровало им правительство попечительное и справедливое (это о военных поселениях! (О. О.). Гермес, оканчивающий с сей стороны барельеф, и знаменующий границу, покажет, что Финляндия и Польша вошли уже в пределы России. Слава увенчивает Россию венцом лавровым; Гений начер-

тывает на камне годы присоединения Финляндии и Польши. Орел двуглавый осеняет оный крыльями своими. Польша довершает изображение благоденствия России и народов, благодетельному скипетру ее преданных⁷⁵.

Как видим, ампирно-академическое направление русского искусства первой четверти XIX века неотделимо от личности Аракчеева и его патрона. Потому и отношение к этому искусству неоднозначно. Сегодня налицо активное возрождение худших черт «аракчеевского» ампира — имперских амбиций, официозной лжи, агрессивности и тяжеловесной помпезности. Как и во времена Аракчеева, это направление поощряется сверху (см., например, интерьеры Большого Кремлевского, отчасти — Стрельнинского дворцов с тем же трехцветным окрасом и т. п.).

Второй подход — эстетский. Его вполне сформулировал гениальный и абсолютно аполитичный А. Н. Бенуа применительно к А. Е. Егорову и В. К. Шебуеву — любимым художникам Аракчеева: «Их рисунки, эскизы, этюды способны доставить удовольствие. В них есть отражение неувядаемой красоты

антиков и ренессанса... кто умеет любоваться красивой композицией, кого способна тронуть простая красота сплетающихся линий, тому могут доставить наслаждение бесчисленные рисунки обоих мастеров»⁷⁶.

Примерно в такой же тональности некоторые современные исследователи пишут об аракчеевском Грузине и других порождениях его эстетических пристрастий. Можно согласиться, но необходимо заметить: монументальные композиции Егорова и Шебуева лишены национальных черт, глубоких интимных или патриотических переживаний. В большинстве своем они демонстрируют лишь правильный академический рисунок, безупречную анатомию и однообразные цветовые решения.

Третий подход весьма энергично изложил И. Е. Репин — сын военного поселенца, выросший в чугуевском «микроскоме» А. А. Аракчеева — В. П. Стасова: «Что за гадость! Я ненавижу этот стиль. Он напоминает мне поганое время Аракчеева и всей связанной с этим временем тягости жизни стольких миллионов теперь свободных людей. Я ненавижу его...»⁷⁷.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Греч Н. И. Записки о моей жизни. М., 2002. С. 139.

² Богданович М. И. История царствования императора Александра I и Россия в его время: В 6 т. СПб., 1869–1871.

³ Дубровин Н. Ф. После Отечественной войны 1812 года // Русская старина. 1903. Т. 116. № 11. С. 241–271, № 12. С. 481–514; 1904. Т. 117. № 1. С. 5–28; № 2. С. 241–274; № 3. С. 481–515; Т. 118. № 4. С. 5–34, № 5. С. 24–264.

⁴ Шильдер Н. К. Император Александр I. Его жизнь и царствование: В 4 т. СПб., 1898–1905.

⁵ (Романов) Николай Михайлович, великий князь. Император Александр I. Опыт исторического исследования. СПб., 1912: В 2 т.

⁶ Предтеченский А. В. Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX века. М.; Л., 1957.

⁷ Окунь С. Б. История СССР: Лекции. Ч. 2. (1812–1825). Л., 1978.

⁸ Отто Н. К. Черты из жизни графа Аракчеева // Древняя и новая Россия. 1875. № 1. С. 95–109; № 2. С. 293–312; № 3. С. 376–393.

⁹ Богословский Н. Г. Аракчеевщина. СПб., 1882.

¹⁰ Якушкин В. Е. Сперанский и Аракчеев. СПб., 1905.

- ¹¹ *Кизеветтер А. А.* Император Александр I и Аракчеев // *Кизеветтер А. А.* Исторические очерки. М., 1912. С. 287–401.
- ¹² *Ячменихин К. М.* А. А. Аракчеев // *Вопросы истории.* 1991. № 12. С. 37–50; *Ячменихин К. М.* Алексей Андреевич Аракчеев // *Российские консерваторы.* М., 1997. С. 19–27.
- ¹³ *Федоров В. А.* М. М. Сперанский и А. А. Аракчеев. М., 1997.
- ¹⁴ *Дженкинс М.* Аракчеев. Реформатор-реакционер / Пер с англ. М., 2004.
- ¹⁵ Граф Аракчеев и военные поселяне 1809–1831. СПб., 1871; (Александр I) Письма Александра I к графу Алексею Андреевичу Аракчееву, 1809–1820 // *Русская старина.* 1870. Т. 1. № 1. С. 63–65, 345–347; № 2. 478; № 3. 485–490.
- ¹⁶ (*Сигунов Н. Г.*) Черты из жизни графа Аракчеева. Воспоминания артиллерии генерал-майора... // *Русская старина.* 1870. Т. 1. № 1. С. 272–276; № 2. С. 241. № 3. 244–249; (*Тумов Н. А.*) Бал у гр. Аракчеева в 1820 г. // *Русская старина.* 1870. Т. 1. № 1. С. 148–149; № 2. С. 222; № 3. С. 220–223; Граф Александр Андреевич Аракчеев. Рассказ и его характеристика // *Русская старина.* 1881. Т. 32. С. 201–208.
- ¹⁷ *Врангель Н. Н.* Аракчеев и искусство // *Врангель Н. Н.* Свойства века: Статьи по истории русского искусства // *Нева.* 2000. С. 113–152.
- ¹⁸ *Мурашова Н. В.* Архитектурный ансамбль усадьбы Грузино — произведение Ф. И. Демерцова // *Панорама искусств.* Вып. 9. М. 1986. С. 198–230; *Кириченко Е. И.* Грузино А. А. Аракчеева. Усадьба как социальная утопия. Столица и усадьба. Мемориальная функция усадьбы // *Русское искусство Нового времени. Исслед. и материалы: Сб. ст. М., 2004.* С. 117–148.
- ¹⁹ *Батеньков Г. С.* Граф М. М. Сперанский и граф А. А. Аракчеев // *Русская старина.* 1897. Т. 92. Октябрь. С. 87.
- ²⁰ *Дженкинс М.* Указ. соч. С. 158–159.
- ²¹ См. (*Толстой Ф. П.*) *Записки...* 1788–1873 // *Русская старина.* 1873. Т. 7. С. 24–51.
- ²² *Греч Н. И.* Указ. соч. С. 217, 256.
- ²³ *Вигель Ф. Ф.* *Записки.* М., 2000. С. 213.
- ²⁴ *Саблуков Н. А.* *Записки // Цареубийство 11 марта 1801 года. Записки участников и современников.* СПб., 1907. С. 35.
- ²⁵ См. Аракчеевщина: рассказы, стихи и народные песни о нем и об учрежденных им военных поселениях // *Русская старина.* 1872. Т. 6. С. 589–596; Эпиграммы на Аракчеева. Из рукописного сборника 1820-х гг. // *Русская старина.* 1874. Т. 9. С. 200.
- ²⁶ *Кеневич В.* Басня Крылова «Пестрые овцы» // *Русский архив.* 1867. Кн. 1. С. 386–392.
- ²⁷ *Вяземский П. А.* По поводу записок графа Зенфта // *Русский архив.* 1876. Кн. 1. С. 370.
- ²⁸ Там же. С. 477.
- ²⁹ (*Ильинский*) Граф Александр Андреевич Аракчеев. Рассказы из его жизни священника села Грузина, Ильинского // *Русская старина.* 1872. Т. 5. С. 471.
- ³⁰ См. *Дубровин Н. Ф.* Граф Аракчеев: гр. Аракчеев нежный сын, дамский кавалер, шутник и защитник артиллерии // *Русская старина.* 1900. Т. 101. С. 97–102; *Дризен Н. В.* Последние годы жизни графа Аракчеева (из семейной хроники) // *Исторический вестник.* 1904. Т. 97. № 5. С. 867–889.
- ³¹ *Неустроев А. Н.* Убийство любовницы графа Аракчеева Настасьи Шумской (Минкиной) // *Русская старина.* 1871. Февраль. С. 242–244.
- ³² *Романович Е. М.* Предсмертные дни и кончина гр. Аракчеева // *Русский архив.* 1868. Кн. I. С. 283–289.
- ³³ *Ячменихин К. М.* Алексей Андреевич Аракчеев... С. 56.
- ³⁴ *Врангель Н. Н.* Указ. соч. С. 136.
- ³⁵ РНБ ОР. Ф. 29. № 9. Л. 53.
- ³⁶ (*Гальберг С. И.*) Скульптор Самуил Иванович Гальберг в его заграничных письмах и записках. 1818–1828. Собрал В. Ф. Эвальд. СПб., 1884. С. 158, 161, 163.
- ³⁷ См. *Островский О. Б.* Эстетические приоритеты Александра I // *Клио.* СПб., 2004. № 4 (27). С. 290–296.
- ³⁸ РНБ ОР. Ф. 29. № 9. Л. 54.

- ³⁹ Там же. Л. 286–287.
- ⁴⁰ *Врангель Н. Н.* Указ. соч. С. 117.
- ⁴¹ См. *Богданович М. И.* Указ. соч. Т. 5. С. 350–352; (Бороздин М. О.) Воспоминания // Граф Аракчеев и военные поселяне... С. 1–9; *Шильдер Н. К.* Указ. соч. Т. 4. С. 2–23, 239–244; 274–276; 317–319.
- ⁴² См. РНБ ОР. Ф. 550. ОСРК F XIII. № 37. Л. 1–100.
- ⁴³ *Ширяев Н. Л.* Аракчеевское поместье // Русская старина. 1893. Т. 79. С. 408–412; Граф Аракчеев и военные поселяне... С. 23; *Булгарин Ф. В.* Поездка в Грузино // Новоселье. 1846. Т. III. С. 219.
- ⁴⁴ РНБ ОР. Ф. 452. № 463. Л. 1–2; Там же. № 484. Л. 1–2.
- ⁴⁵ *Булгарин Ф. В.* Указ. соч. С. 203.
- ⁴⁶ См. (Гриббе А. К.) Граф Александр Андреевич Аракчеев. Из воспоминаний о Новгородских военных поселениях 1822–1826 гг. // Русская старина. 1875. Т. 12. С. 84–123; (Гриббе А. К.) Новгородские военные поселения. Воспоминания // Русская старина. 1885. Т. 45. С. 127–152; (Рудыковский А. П.) Устройство новгородских военных поселений, из записок. 1820–1821 гг. // Русская старина. 1873. Т. 8. С. 594–596; *Романович П. П.* Рассказы бывших военных поселенцев о графе Аракчееве // Русская старина. 1887. Т. 55. С. 419–422.
- ⁴⁷ Настасья Федоровна Минкина, домоправительница гр. Аракчеева // Русская старина. 1884. Т. 41. С. 482.
- ⁴⁸ Граф Аракчеев и военные поселяне. Указ. изд. С. 23.
- ⁴⁹ См. *Богословский Н. Г.* Указ. изд. С. 41–120; Аракчеев и Шумский // Русская старина. 1878. Т. 21. С. 180–184
- ⁵⁰ *Грибовский В. М.* Аракчеев как не герой // Исторический вестник. 1906. Т. 106. С. 868–869.
- ⁵¹ *Греч Н. И.* Указ. соч. С. 293.
- ⁵² *Грибовский В. М.* Указ. соч. С. 875.
- ⁵³ См. Настасья Федоровна Минкина... С. 479–518; *Богословский Н. Г.* Указ. соч. С. 121–231; (Шениг Н. И.) Воспоминания Николая Игнатьевича Шенига // Русский архив. 1880. Кн. 3. С. 321–322.
- ⁵⁴ (Минкина Н. Ф.) Письма Настасьи Федоровны Минкиной к гр. А. А. Аракчееву // Русский архив. 1868. Кн. 3. С. 1656–1673.
- ⁵⁵ РНБ ОР. Ф. 29. № 10. Л. 331.
- ⁵⁶ (Сулакадзе) Убийство любовницы гр. Аракчеева Настасьи Шумской (Минкиной) // Русская старина. 1871. Т. 3. С. 242–243; (Пупарев А. Г.) Убийство любовницы гр. Аракчеева Настасьи Федоровны Шумской, 1825 г. // Русская старина. 1871. Т. 4. С. 262–294; *Шильдер Н. К.* Грузинская трагедия 1825 г. (Убийство домоправительницы графа Аракчеева Настасьи Федоровны Минкиной) // Русская старина. 1900. Т. 102. Апрель. С. 3–26.
- ⁵⁷ См. РНБ ОР. Ф. 29. № 10. Л. 19.
- ⁵⁸ *Петров П. Н.* Сборник материалов для истории Императорской Санкт-Петербургской Академии художеств. СПб., 1865. Т. II. С. 77, 80.
- ⁵⁹ См. *Островский О. Б.* А. Н. Оленин и Академия художеств в 1817–1825 гг. // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2005. № 5 (11). Общественные и гуманитарные науки (философия, языкознание, литературоведение, культурология, история, социология, экономика, право): Научный журнал. С. 154–169.
- ⁶⁰ РНБ ОР. Ф. 29. № 9. Л. 221–226.
- ⁶¹ *Свиньин П. П.* Поездка в Грузино // Сын отечества. 1818. Кн. XLIX. С. 22–23.
- ⁶² *Писарев А. А.* Собор св. апостола Андрея Первозванного в селе Грузино // Сын отечества. 1816. № 11. С. 167.
- ⁶³ (Ильинский) Указ. изд. С. 470–472.
- ⁶⁴ *Дженкинс М.* Указ. изд. С. 82.
- ⁶⁵ РНБ ОР. Ф. 443. № 195. Л. 1–14; Там же. № 646. Л. 1–10б.
- ⁶⁶ РНБ ОР. Ф. 737. № 51. Л. 3 об, 4 об, 7 об, 16, 20.
- ⁶⁷ См. *Принцева Г. А.* Николай Иванович Уткин. Л., 1983. С. 64–66.

⁶⁸ Глинка Н. И. Творчество архитектора Ф. И. Демерцова. (1762–1723): Автореф. дис. ... канд. искусствовед. Л., 1988. С. 11–12.

⁶⁹ См. Мурашова Н. В. Федор Волков // Зодчие Санкт-Петербурга: XVIII век. СПб., 1997. С. 919–926.

⁷⁰ См. Мурашова Н. В. Федор Демерцов // Зодчие Санкт-Петербурга. XVIII век. СПб. 1997. С. 940.

⁷¹ См. Тыжненко Т. Е. Василий Стасов // Зодчие Санкт-Петербурга XIX — начало XX века. СПб., 1998. С. 132–157.

⁷² РНБ ОР. Ф. 29. № 10. Л. 227–228.

⁷³ Языков А. Из воспоминаний о селе Грузино, имении графа Аракчеева в 1826 году // Военный сборник. Январь. 1861. С. 373.

⁷⁴ РНБ ОР. Ф. 29. № 9. Л. 271–292.

⁷⁵ РНБ ОР. Ф. 737. № 70. Л. 1–2.

⁷⁶ Цит. по кн. Круглова В. А. Василий Кузьмич Шебуев (1777–1855). Л., 1982. С. 51.

⁷⁷ Цит. по кн. Стернин Г. Ю. Художественная жизнь России 1900–1910-х годов. М., 1988. С. 173.

O. Ostrovskiy

A.A. ARAKTCHEEV AND RUSSIAN ART CULTURE IN 1815–1825

The influence of the personality of Count A.A. Araktcheev, a powerful favourite of Alexander I, on the Russian Art Culture of 1815-1825 is shown. This aspect of «araktcheevshina» usually outside of historians' scope of vision.